

1838 годъ

Мартъ. 23¹⁾. Сегодня я случайно узналъ, что министр Уваровъ отмѣнилъ чтеніе моего «*Похвального слова Петру Великому*» на актѣ, который назначенъ на 25-е, то-есть на послѣзавтра. У попечителя съ нимъ былъ по этому поводу горячій разговоръ. Князь Дондуковъ-Корсаковъ доказывалъ ему неприличіе и странность такой мѣры. Министръ упорствуетъ. Какая причина?

26. Публика приняла большое участіе въ моемъ «*Похвальномъ словѣ*». Всѣ удивлены запрещеніемъ министра, который, предпологомъ отмѣны чтенія, поставилъ желаніе «не обременять публику многими чтеніемъ».

Декабрь. 25. «Энциклопедическій лексиконъ» гибнетъ по милости Плюшара. Онъ велъ себя въ этомъ дѣлѣ, какъ мальчишка. Сначала поссорился съ Гречемъ, который былъ ему необходимъ, ибо служилъ точкою соединенія у него литераторовъ. Потомъ сталъ употреблять на отважныя и необдуманныя предпріятія капиталъ, который дала ему подписка на первый годъ энциклопедическаго лексикона. Такимъ образомъ, когда редакторомъ сдѣлался Шенинъ, плата сотрудникамъ понемногу стала затрудняться и, наконецъ, ее и совсѣмъ перестали выдавать—по крайней мѣрѣ, инымъ. Они отказались. Лексиконъ сталъ медлить выходомъ въ свѣтъ. Плюшаръ надѣялся еще спасти дѣло, передавъ редакцію Сенковскому, который помогъ ему деньгами. Но дѣльныхъ сотрудниковъ уже больше нельзя было набрать. Они не соглашались на дальнѣйшее участіе въ изданіи, во-первыхъ, потому что потеряли довѣріе къ Плюшару, а во-вторыхъ, потому что не хотѣли имѣть дѣла съ Сенковскимъ, боясь его обиднаго и строitivaго обращенія съ самими авторами и съ ихъ статьями. Сенковскій очутился въ необходимости работать съ нѣсколькими студентами. Вышелъ XIV томъ и изумилъ публику своею несостоятельностью. Это окончательно подорвало довѣріе къ изданію, которое на первыхъ порахъ встрѣтило такъ много сочувствія.

26. Въ четвергъ былъ на похоронахъ. Умеръ Карлъ Ѳедоровичъ Германъ, академикъ и инспекторъ Смольнаго монастыря и Екатерининскаго института. Это былъ человѣкъ выше обыкновенныхъ. Я намѣренъ написать его биографію. Смерть самая обыкновенная вещь между людьми, а между тѣмъ на похоронахъ какъ будто въ первый разъ знакомишься съ покойнымъ. Вотъ этотъ человѣкъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, говорилъ съ нами, смѣялся, думалъ, желалъ, носилъ міръ въ своемъ умѣ—и вотъ его положили въ землю, какъ соръ, зарыли. Семидесятитрехлѣтняя драма разы

¹⁾ Въ 1838 г. Никитенко ѣздили на родину, и записи „Дневника“ за это время представляютъ интереса: это почти сплошь цифровыя данныя и хозяйственныя распоряженія.